

В. Г. Белинский

**Сочинения в прозе и стихах,
Константина Батюшкова**

Виссарион Белинский
**Сочинения в прозе и стихах,
Константина Батюшкова**

«Public Domain»

1835

Белинский В. Г.

Сочинения в прозе и стихах, Константина Батюшкова /
В. Г. Белинский — «Public Domain», 1835

ISBN 978-5-457-25020-8

«...Что этот человек был истинный поэт, что у него было большое дарование, в этом нет никакого сомнения. Но за что превозносили его похвалами современники, чему удивлялись они в нем, почему провозгласили его образцовым (в то время то же, что ныне гениальным) писателем?.. Отвечаю утвердительно: правильный и чистый язык, звучный и легкий стих, пластицизм форм, какое-то жеманство и кокетство в отделке, словом, какая-то классическая щеголеватость – вот что пленяло современников в произведениях Батюшкова...»

ISBN 978-5-457-25020-8

© Белинский В. Г., 1835

© Public Domain, 1835

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	8
Комментарии	

Виссарион Григорьевич Белинский

Сочинения в прозе и стихах, Константина Батюшкова

СОЧИНЕНИЯ В ПРОЗЕ И СТИХАХ, КОНСТАНТИНА
БАТЮШКОВА. Издание второе. Санкт-Петербург, в типографии И.
Глазунова. 1834. Две части: I – 340; II – 270. (8).

Наша литература, чрезвычайно богатая громкими авторитетами и звонкими именами, бедна до крайности истинными талантами. Вся ее история шла таким образом: вместе с каким-нибудь светилом, истинным или ложным, появлялось человек до десяти бездарных людей, которые, обманываясь сами в своем художественном призвании, обманывали неумышленно и добродушную и доверчивую нашу публику, блистали по несколько мгновений, как воздушные метеоры, и тотчас погасали. Сколько пало самых громких авторитетов с 1825 года по 1835? Теперь даже и боги этого десятилетия, один за другим, лишаются своих алтарей и погибают в Лете с постепенным распространением истинных понятий об изящном и знакомства с иностранными литературами. Тредьяковский, Поповский, Сумароков, Херасков, Петров, Богданович, Бобров, Капнист, г. Воейков, г. Катенин, г. Лобанов, Висковатов, Крюковской, С. Н. Глинка, Бунина, братья Измайловы, В. Пушкин, Майков, кн. Шаликов – все эти люди не только читались и приводили в восхищение, но даже почитались поэтами; этого мало, некоторые из них слыли гениями первой величины, как-то: Сумароков, Херасков, Петров и Богданович; другие были удостоены тогда почетного, по теперь потерявшего смысл титула *образцовых писателей*¹. Теперь, увы! имена одних из них известны только по преданиям о их существовании, других потому только, что они еще живы как люди, если не как поэты... Имя самого Карамзина уважается теперь как имя незабвенного действующего на поприще образования и двигателя общества, как писателя с умом и рвением к добру, но уже не как поэта-художника... Но хотя авторская слава так часто бывает непрочна, хотя удивление и хвала толпы бывают так часто ложны, однако, слепая, она иногда, как будто невзначай, преклоняет свои колена и пред истинным достоинством. Но, повторяю, она часто делает это по слепоте, невзначай, ибо превозносит художника за то, за что порицает его потомство, и, наоборот, порицает его за то, за что превозносит его потомство. Батюшков служит самым убедительным доказательством сей истины. Что этот человек был истинный поэт, что у него было большое дарование, в этом нет никакого сомнения. Но за что превозносили его похвалами современники, чему удивлялись они в нем, почему провозгласили его *образцовым* (в то время то же, что ныне *гениальным*) писателем?.. Отвечаю утвердительно: правильный и чистый язык, звучный и легкий стих, пластицизм форм, какое-то жеманство и кокетство в отделке, словом, какая-то классическая щеголеватость – вот что пленяло современников в произведениях Батюшкова. В то время о *чувстве* не хлопотали, ибо почитали его в искусстве лишним и пустым делом, требовали *искусства*, а это слово имело тогда особенное значение и значило почти одно и то же с вычурностью и неестественностью. Впро-

---

¹ Вот, например, что писал о Майкове знаменитый драматург наш кн. Шаховской в кратком предисловии к своей *ироико-комической* поэме «Расхищенные шубы», помещенной в «Чтении в Беседе любителей русского слова» 1811 года: «На нашем языке Василий Иванович Майков сочинил «Елисея», шуточную поэму в 4 песнях. Отличные дарования сего поэта и прекраснейшие стихи (!!), которыми наполнено (чем: отличными дарованиями или прекраснейшими стихами?) его сочинение, заслуживают справедливые похвалы всех любителей русского слова; но содержание поэмы, взятое из само-простонародных происшествий, и буйственные действия его героя не позволяют причесть сие острое и забавное творение к роду ироико-комических поэм, необходимо требующих благопристойной шутиливости» (стр. 46). Так как это было давно, то я привожу это мнение не в укор знаменитому и многоуважаемому мною драматургу, а как факт для истории русской литературы и доказательство, как непрочна удивление современников к авторам.

чем, была и другая важная причина, почему современники особенно полюбили и отличили Батюшкова. Надобно заметить, что у нас *классицизм* имел одно резкое отличие от французского *классицизма*: как французские классики старались щеголять звонкими и гладкими, хотя и надутыми, стихами и вычурно обточенными фразами, так наши классики старались отличаться варварским языком, истинною амальгамою славянщины и искаженного русского языка, обрубали слова для меры, выламывали дубовые фразы и называли это *пиитическою вольностью*, которой во всех эстетиках посвящалась особая глава. Батюшков первый из русских поэтов был чужд этой *пиитической вольности* — и современники его разохались. Мне скажут, что Жуковский еще прежде Батюшкова выступил на поприще литературы; так, но Жуковского тогда плохо разумели, ибо он был слишком не по плечу тогдашнему обществу, слишком идеален, мечтателен, и посему был заслонен Батюшковым. Итак, Батюшкова провозгласили образцовым поэтом и прозаиком и советовали молодым людям, *упражняющимся* (в часы досугов, от нечего делать) *словесностию, подражать* ему. Мы, с своей стороны, никому не посоветуем подражать Батюшкову, хотя и признаем в нем большое поэтическое дарование, а многие из его стихотворений, несмотря на их щеголеватость, почитаем драгоценными перлами нашей литературы. Батюшков был вполне сын своего времени. Он предощущал какую-то новую потребность в своем художественном направлении, но, увлеченный классическим воспитанием, которое основывалось инем и безотчетном удивлении к греческой и латинской литературе, скованный слепым обожанием французской словесности и французских теорий, он не умел уяснить себе того, что предощущал каким-то темным чувством. Вот почему вместе с элегиею «Умиравший Тасс» — этим произведением, которое отличается глубоким чувством, не поглощенным формою, энергическим талантом, и которому в параллель можно поставить только «Андрея Шенье» Пушкина, он написал потом вялое, прозаическое послание к Тассу^[1] (ч. II, стр. 98); вот почему он, творец «Элегии на развалинах замка в Швеции», «Тень друга», «Последняя весна», «Омир и Гезиод», «К другу», «К Карамзину», «И. М. М. А.», «К Н.»^[2], «Переход чрез Рейн», — подражал пошлomu Парни, оставил нам скучную сказку «Странствователь и домосед», отрывочный перевод из Тасса^[3], ужасающий херасковскими ямбами, и множество стихотворений решительно плохих и, наконец, множество балласту, состоящего из эпиграмм, мадригалов и тому подобного; вот почему, признаваясь, что «древние герои под пером Фонтенеля нередко преобразуются в придворных Лудовикова времени и напоминают нам учтивых пастухов того же автора, которым недостает парика, манжет и красных каблуков, чтобы шаркать в королевской передней» (ч. I, стр. 101), он не видел того же самого в сочинениях Расина и Вольтера и восхищался Рюриками, Оскольдами, Олегами Муравьева, в котором благородного сановника, добродетельного мужа, умного и образованного человека смешивал с поэтом и художником². Кроме поименованных мною стихотворений, некоторые замечательны по прелести стиха и формы, как, например: «Воспоминание», «Выздоровление», «Мои пенаты», «Таврида», «Источник», «Пленный», «Отрывок из элегии»^[4] (стр. 75), «Мечта», «К П-ну», «Разлука», «Вакханка» и даже самые подражания Парни. Все остальное посредственно. Вообще отличительный характер стихотворений Батюшкова составляет какая-то беспечность, легкость, свобода, стремление не к *благородным*, но к *облагороженным* наслаждениям жизни; в сем случае они гармонируют с первыми произведениями Пушкина, исключая, разумеется, тех, кои, у сего последнего, проникнуты глубоким чувством. Проза его любопытна, как выражение мнений и понятий одного из умнейших и образованнейших людей своего времени. Во всем прочем, кроме разве хорошего языка и слога она не заслуживает никакого внимания.

² Муравьев как писатель замечателен по своему нравственному направлению, в котором просвечивалась его прекрасная душа, и по хорошему языку и слогу, который, как то можно заметить даже из отрывков, приведенных Батюшковым, едва ли уступает карамзинскому.

Впрочем, лучшие прозаические статьи суть: «Нечто о морали, основанной на философии и религии», «О поэзии и поэте», «Прогулка в Академию», а самые худшие: «О легкой поэзии», «О сочинениях Муравьева»^[5] и в особенности повесть «Предслава и Добрыня».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Стихотворение называется «К Тассу» («Позволь, священна тень, безвестному певцу...»).

2.

Ряд произведений Батюшкова назван неточно. В рецензируемом издании они опубликованы под названием: «На развалинах замка в Швеции», «Гезиод и Омир, соперники», «Карамзину» (в современных изданиях печатается под названием «К творцу «Истории государства Российского»»), Послание И. М. М<уравьеву> А<постолу>«. Стихотворение «К Н.» теперь печатается под названием «К Никите».

3.

Речь идет о переводе из I песни «Освобожденного Иерусалима!» «Скончал пустынный речь! – Небесно вдохновенье!»

4.

В современных изданиях это стихотворение печатается под названием «Элизий».

5.

Ряд названий приведен Белинским неточно. Нужно: «Ничто о поэте и поэзии», «Прогулка в Академию художеств», «Речь о влиянии легкой поэзии на язык», «Письмо к И. М. М<уравьеву> А<постолу> о сочинениях г. Муравьева».